

Посвящается Андреа, Перл и Лукасу

ОДРИ

Дневник воспоминаний 427

С каждым днем становится все очевиднее, что технический прогресс побеждает нашу человечность.

Альберт Эйнштейн, 1938

*Отпусти свои мысли, это просто песня,
Но единственный путь к счастью — признать, что ты был неправ.*

«Нео Максис», «Песня Элеоноре», 2112

ГЛАВА 1

Прошли две недели с того дня, когда моих родителей убили. Самые длинные две недели в моей жизни. Все изменилось. Буквально все. Разве что я сама осталась прежней. Я все та же Одри Касл. Я выгляжу по-прежнему: те же темные волосы, которые достались мне от отца, мамины карие глаза, слишком широкие плечи и мальчишеская походка. И я по-прежнему считаю, что было бы круто жить в прошлом. Я по-прежнему помню наизусть слова «Вторичного свечения» с одноименного альбома «Нео Максис», да и вообще большую часть их песен. Я все так же плачу, вспоминая, что случилось с Сан-Франциско, Рио, Джакартой, Токио, с первыми Барселоной и Нью-Йорком. Я все еще не знаю, любила ли я Бена или мне просто нравилась мысль, что я в кого-то влюблена.

Да. Достаточно совпадений, чтобы утверждать: я осталась собой. Но, по правде говоря, чувствую я себя по-другому. Я стала взрослей. Время не всегда идет с одинаковой скоростью. И две недели иногда кажутся половиной жизни.

А теперь отличия.

Последнее время я почти не чувствую голода, хотя раньше очень любила поесть. Я плачу, случайно уловив запах маминого кокосового крема. Или когда я думаю, что она работала брокером времени, но ее время истекло. Когда я вспоминаю мамин голос, ее глаза, когда она улыбалась, или те глупости, которые я могла наговорить ей во время ссоры, мне хочется до боли укусить себя за руку, чтобы в голове не осталось ни единой мысли.

Стоит только зажмуриться, и я вижу папино лицо — небритое, немного уставшее, со слипающимися глазами, мудрое, доброе и серьезное. Вижу, как он готовит. Вижу, как сидит, сгорбившись над рабочим столом и сосредоточенно глядя в камеру, — готовит очередную программу. Или как объясняет мне, что книги, написанные людьми, куда важнее, чем компьютерные программы. Помню, как он улыбался, преодолевая боль, лежа в больнице после аварии. Как пел эти жуткие старомодные песни из 2090-х. А чаще всего я вспоминаю, как он сидел на краю кровати, прислонив к ноге свою прозрачную синюю трость, почесывал бороду и задавал мне именно те вопросы, на которые я не хотела отвечать.

Да, конечно, я могу посмотреть 4D-записи о них. Могу войти в капсулу и обнять их, и даже почувствовать, как папина борода щекочет мой лоб, когда он целует меня перед сном, но это будет встреча с призраками. Мы победили 99 % раковых заболеваний, опухоли головного мозга исчезают за неделю, а некоторые люди — так называемые «постсмертные» — смогли продлить свою жизнь на срок гораздо больший, чем отпущено природой, но мы по-прежнему бессильны перед смертью.

Или горем.

Или убийством.

Потому что это было убийство. Я в этом уверена.

ГЛАВА 2

Я не проводила оптимизацию памяти с тех самых пор, как мне было тринадцать. Хочется думать, что я смогу как-то себе помочь, если сконцентрируюсь и буду вспоминать все по порядку. Понятия не имею, сработает это или нет, но нужно хотя бы попробовать.

Когда я была на приеме у миссис Мацумото в Клаудвилле, она сказала, что я должна сосредоточиться на событиях того дня. Итак, события... О'кей. Тошнота подступает к горлу. Сама мысль о том, что придется все это вспомнить, вызывает у меня содрогание. Но я должна.

В то утро я, как обычно, проснулась, и все было в порядке.

Дождь стих. Я лежала на кровати, вдыхая чересчур резкий запах лаванды и липового цвета, исходящий от старых дешевых простыней.

В голове крутилась какая-то песня. В кои-то веки не «Нео Максис». Какой-то медляк одной из этих новых магнетогрупп из Пекина — что-то про безответную любовь. Даже не знаю, почему мне всегда нравились песни про безответную любовь. Я даже никогда не знала, что это такое. Да, наверное, я никогда не знала безответной любви, как никогда не испытывала влечения к парню, не смоделированному на компьютере. Но, думаю, некоторые вещи можно чувствовать, даже не испытав их на самом деле.

В общем, была очередная серая, дождливая среда. Последние четыре месяца каждый день лил дождь, но мне не было до него никакого дела. Что толку обращать внимание на дождь, если живешь в северной части Англии, три четверти которой постоянно затоплены водой.

Я услышала, что мои родители ссорятся. Вернее, не ссорятся, а опять переливают из пустого в порожнее. Правда, я так и не услышала, о чем шла речь. Может быть, об Алиссе. Нашей Эхо.

Она прожила у нас чуть больше месяца. По мнению мамы, мы должны были купить ее еще раньше — сразу после аварии, — но отец твердо стоял на том, что мы вполне обойдемся нашим старым помощником по хозяйству, роботом Тревисом. Папа дал четко понять, что ему не особенно-то нравится присутствие Алиссы в доме. Если честно, я тоже была не в восторге.

Она была слишком похожей на человека, слишком настоящей. Просто мурашки по спине.

Она вошла в комнату и строго на меня посмотрела, хотя я-то прекрасно знала, что на самом деле Эхо ничего такого чувствовать не могут. Эта модель выглядела как красивая женщина лет тридцати со светлыми волосами; в чертах ее лица не было ничего угрожающего. Лицо идеальное, а кожа гладкая и сияющая, как у всех Эхо. У них кожа

не совсем такая, как у людей, и кровь не такая, но меня всегда поражало, насколько Алисса была похожа на живого человека. Как будто из настоящей плоти и крови. Вот к Тревису я привыкла, но роботы — совсем другое дело. Алисса же была точно такой, как и я, не считая кубического сантиметра аппаратуры и микросхемы, вживленных в ее мозг.

— Через тридцать пять минут у вас первый урок — китайский язык. Пора готовиться.

Она задержалась чуть дольше, чем требовалось.

— Хорошо, я... скоро.

Быстро проснуться — это не про меня, так что я отдала шторам команду открыться и уставилась на серый, залитый дождем мир. Вокруг стояли и другие дома, но мы были едва знакомы с соседями.

Это было еще перед тем, как я надела свои информационные линзы. Хотя иногда мне не хотелось ни технологий, ни информации. В последнее время новости меня только угнетали.

Новые вспышки холеры в Европе.

Энергетический кризис.

Гибель специалистов по терраформированию на Марсе.

Ураганы. Цунами.

Трепотня об Эхо.

Испанское правительство, уничтожающее дома в Андалусийской пустыне.

Иногда — как, например, в то утро — мне просто хотелось видеть мир таким, какой он есть, во всем его залитом дождем великолепии. И никаких ментальных проводов, никаких информационных линз.

Я никогда не относилась к людям, которые готовы до отказа напичкать себя разными техническими приспособлениями. Нет, честно. У меня бы все равно не получилось, да и папа с огромным подозрением относился к большинству технических новинок. Например, он всерьез уверял, что когда-нибудь Эхо возьмут над людьми верх и всех нас уничтожат. По его мнению, ни в одной крупной технокомпании о людях и не думали, что бы там официально ни заявляли. И он всегда выходил из себя, если я слишком сильно всем этим интересовалась. Мама думала по-другому. Она могла часами сидеть в иммерсионной капсуле, бродя по древним городам или

занимаясь йогой с самим Буддой. Она считала, что на папины нападки не стоит обращать внимания, но он был убедителен.

Мы жили в доме на сваях. Это был не самый маленький в мире дом на сваях, но все же устроен он был именно так. О папиной работе трубили все СМИ, но он делал ее бесплатно. А мама крутилась с утра до вечера, но временное брокерство приносило намного меньше денег, чем раньше.

Моя спальня была в пятидесяти восьми метрах над землей. Или в сорока девяти метрах над водой. Иногда уровень воды поднимался еще выше, иногда опускался. Порой вода уходила совсем, и оставалась только размытая почва. Хотя едва ли мои ноги касались этой земли. На нее и наступить-то можно было с трудом, не говоря о каких-то там прогулках.

Снаружи проходил старый стальной магнитотрек, включенный в транспортную систему. По нему можно было запросто доехать до Лондона — триста с лишним километров меньше чем за десять минут. Однако после аварии поездки на машине стали нас напрягать.

Вот так мы и жили. Каслы в своем собственном замке,^[1] со своим собственным рвом.

Ров.

Однажды папа сказал, что в современном мире можно остаться человеком, только окружив себя рвом. И наполнить его мыслями, которые не имеют ни малейшего отношения к технологиям.

Кому-то это могло бы показаться смешным, ведь папиным братом был Алекс Касл. Тот самый Алекс Касл — владелец корпорации «Касл», ведущей технологической империи в Европе, которую на мировом рынке обогнала только «Семпура». Но папа не особо жаловал дядю Алекса, да и тот его недолюбливал — в основном из-за папиных статей, в которых тот выступал против искусственного разума, генной терапии, возрождения вымерших биологических видов. А ведь именно этим Алекс Касл и занимался. Плюс ко всему дядя стоял на третьем месте в рейтинге самых богатых людей Европы, а папа все время был в долгах.

Конечно, в нашем доме водилась и современная техника: информационные линзы, ментальные провода, холовидение, иммерсионная капсула, магнитомобиль, внешние и внутренние левиборды и прочие самые обычные вещи. И еще у нас была Эхо.

Наверное, папа все же лукавил. Но в том, что у нас появилась Эхо, больше моей вины. Я жива, а папа мертв, поэтому едва ли у меня есть право кого-то судить.

ГЛАВА 3

Как и многие, я училась дома. Уроки с нашей Эхо и занятия в иммерсионной капсуле — такая образовательная смесь.

В тот день у меня были уроки климатологии и китайского с Алиссой, а после них — история двадцать первого века в иммерсионной капсуле, довольно старой штуковине цвета индиго, занимающей все пространство от пола до потолка, сразу, как выходишь из моей комнаты.

Итак, я встала, надела джинсы и футболку посвободней. Мама забежала ко мне в комнату и сказала, что у нее в реальном мире назначены две встречи по временным брокерским операциям. Одна — в Тайбэе с утра, другая — с клиентом в Новом Нью-Йорке. Однако она собиралась быть дома к двум, и мы успели бы позаниматься йогой после обеда.

Мама пыталась приучить меня к тому, чтобы я уделяла йоге больше времени. Как-никак, правительство, а особенно Бернадин Джонсон рекомендовали практиковаться не менее пяти часов в неделю. Папа говорил, что премьер-министрам лучше не доверять даже в вопросах йоги. Но иногда мне казалось, что он просто хотел слегка подколоть маму. У той и правда здорово получались всякие йоговские упражнения, я же унаследовала от папы тугие связки под коленями и стойкую нелюбовь к любым физическим нагрузкам.

— Нам надо поработать над позой «собака мордой вниз».

Я пытаюсь вспомнить каждую мелочь из того, что произошло в тот день. Ведь это был наш последний день вместе. Мама принарядилась — скорее всего, для клиента в Новом Нью-Йорке, ведь в Тайбэе она работала почти все время.

Она была слегка на взводе.

— Я опаздываю, — выпалила она со скоростью триста километров в час. — Хорошенькое дело для брокера времени! Так, не забудь распорядиться, чтобы Алисса приготовила обед для вас с папой. Он

наверняка весь день проторчит в кабинете — будет заканчивать свою чертову книгу.

Мама не хотела, чтобы папа ее писал. Сколько же из-за этого было споров! Эта книга — сочетание текста и голографии — посвящалась разным технологическим кошмарам, которые входили в нашу жизнь: усиление полиции роботами, извечные проблемы с Эхо, а также животрепещущий вопрос о правомерности возрождения неандертальцев. Папа задумал эту книгу именно из-за неандертальцев, и из-за них же назвал ее «Дивный новый кошмар:^[2] их права, наша несправедливость». Мама считала, что он наживет себе еще больше противников, которых и без того хватало, а когда мама начинала переживать из-за папиной работы, она всегда раздражалась. Когда родителей не стало, я кое-что поняла об их взаимном раздражении: зачастую за ним скрывалась любовь.

— А ты чем занимаешься? — спросила меня мама.

— Сажу на кровати и смотрю на дождь и дома. Интересно, кто там живет? Иногда вон в том доме я вижу пожилую женщину. Она стоит у окна и просто смотрит на улицу. Она кажется такой одинокой. Я за нее переживаю.

— Знаешь, не так много времени прошло с тех пор, как соседи обычно были знакомы друг с другом. Где-то сто лет.

— Хотела бы я жить сто лет назад.

На секунду она вынырнула из своей обычной утренней спешки, чтобы сосредоточиться на проблемах дочери.

— О, милая, не думаю, что тебе и правда хотелось бы этого. Сама подумай. Ты жила бы не очень долго. Большинство людей в 2015 году умирали прежде, чем им исполнялось сто лет! Они все время болели. И все еще думали, что кардиотренировки полезны, и впустую тратили огромную часть своей жизни в тренажерных залах. А знаешь ли ты, сколько времени понадобилось бы, чтобы добраться отсюда, скажем, в Америку?

— Час, — предположила я, думая, что это довольно долго.

— Пять часов. А то и больше. Можешь себе это представить? За пять часов мы можем пролететь половину пути к бабушке на Луну. Впрочем, в молодости я хотела жить на двести лет раньше, во времена великих художников.

Мама обожала искусство. От нее часто можно было слышать имена Пикассо и Матисса. По воскресеньям мы иногда ездили в художественные галереи в Барселону, или Пекин, или в Центр имени Цукерберга^[3] в Калифорнии. Она даже иногда пыталась уговорить папу навеститься к дяде Алексу, чтобы посмотреть бесценные картины в его доме в Хэмпстеде.^[4]

— Но я все равно считаю, что сейчас самое лучшее время, несмотря на то, что говорит твой отец, — добавила она.

За окном по магнитотреку пронеслась машина. Она летела с такой скоростью, что человек не смог бы ее заметить, но мы уловили слабый свистящий звук, как если бы кто-то дул тебе в ухо.

Мама внезапно вспомнила, что опаздывает. Торопливо поцеловала меня. Ее волосы нежно скользнули по моей щеке. Я почувствовала запах ее кокосового крема. (Она все еще пользовалась увлажняющими кремами, хотя давно уже было доказано: толку от них никакого).

— Хорошо тебе позаниматься.

Я слегка подняла брови и изобразила что-то вроде ироничного кивка. Мама отлично понимала, что я имела в виду.

— Послушай, может, Алисса не самая дорогая Эхо в мире, и я знаю, что вы с папой на нее взъелись...

— Я на нее не взъелась. Как я вообще могу на нее взъестись? Она же робот.

— Она Эхо. Роботом был Тревис.

— Мне не хватает Тревиса. Он был забавным.

— Вот только для твоего обучения он совсем не подходил.

С этим трудно было спорить. К концу своей «жизни» Тревис был почти бесполезен даже после полной зарядки — прибираясь, он не мог разложить вещи по местам или приготовить что-нибудь сложнее сэндвича. А еще он болтал всякую чепуху. Бессвязный набор слов. «Я крашу туалет морковь да», например. Или «Лук лук пятьдесят граммов к вашим услугам спасибо идет дождь не целуйся с мальчиками».

— Что есть, то есть, — согласилась я с мамой. Она погладила меня по голове, как будто мне было десять лет, а не почти шестнадцать.

А потом прозвучали слова — слова, которые она мне уже никогда не сможет сказать. И пусть она проговорила их быстро, почти не глядя на меня, для меня все равно нет ничего дороже. «Люблю тебя. И не

забудь принять таблетки для мозга». Вот. Материнская забота в одном предложении. По крайней мере, вся *Моя Мама* в одном предложении.

Как же трудно.

— И я тебя люблю, — ответила я. А может, и нет. Мне хочется думать, что я все-таки это сказала. Можно было бы проверить. В каждом доме есть стены с устройствами для видеонаблюдения, и наш ничем не отличался от других. Нет. Не хочу ничего выяснять. Я просто хочу верить, что сказала ей о своей любви и она меня услышала, когда шла из моей комнаты мимо иммерсионной капсулы дальше, к лестничной клетке. Она навсегда останется со мной, в моих мыслях.

ГЛАВА 4

Я отправилась на кухню, чтобы выпить завтрак. Настояла на том, чтобы приготовить его самой, несмотря на предложение Алиссы. Если кто-то делает за тебя все, недолго впасть в депрессию. Папа показывал мне статистику. Количество самоубийств растет прямо пропорционально количеству Эхо на человека.

Алисса продолжила рассказывать мне о расписании на день:

— Половина восьмого утра. Ваш первый урок начинается через десять минут.

— Знаю, но спасибо за напоминание.

— Семь часов тридцать одна минута. Ваш первый урок начинается через девять минут.

Выпив высококалорийный банановый шейк (я соблюдала здоровую диету), я приняла таблетки для улучшения мозговой деятельности, о которых мне не уставала напоминать мама.

— Семь часов тридцать две минуты. Ваш первый урок начинается через восемь минут.

— О'кей, я знаю.

На этой фразе в кухню вошел папа. Это был первый и единственный раз, когда я видела его живым в тот день. Да. Последний раз, когда я вообще видела его живым. Папа заварил себе красный чай. Он еще не принял душ. Казалось, за ночь его борода выросла еще больше и стала еще темнее. Он явно находился в «состоянии, когда книга почти закончена» — где-то между абсолютным счастьем и вселенским горем. В сущности, мой папа был единственным человеком в мире, способным испытывать такие эмоции одновременно. Очень. Это слово подходило папе как нельзя лучше. Он был очень увлекающимся и очень сложным, очень добрым, и очень надоедливым, и очень человечным.

Папа говорил о последних новостях. Не могу сейчас вспомнить, о чем именно. Что-то о зачистках, которые испанское правительство устроило в Андалусии.

— Монстры ничем не отличаются от нас. Никто не просыпается с мыслью, что он монстр. Ты можешь даже не заметить, как стал одним из них, ведь изменения происходят постепенно.

В этом весь мой папа. Он мог войти в комнату и с ходу начать рассказывать что-нибудь в этом роде.

— Семь часов тридцать три минуты. Ваш первый урок начинается через семь минут.

Папа посмотрел на меня и, не глядя на Алиссу, ткнул в ее сторону пальцем:

— Что это с ней сегодня? — Папа никогда не стал бы так говорить о человеке, но, когда речь шла об очередном техническом объекте, это было в порядке вещей.

— Не знаю, — отозвалась я, допивая остатки шейка. — Она еще и в комнату ко мне пришла — сообщила, что пора вставать.

— А прежде она так делала? — спросил папа и оперся на трость, поморщившись от боли.

— Папа, сядь — я принесу тебе чай.

— Нет. — Он вскинулся и тут же зажмурился — отчасти от боли, отчасти от злости, — а потом посмотрел на меня. — Я в состоянии сам принести себе этот чертов чай. Договорились? Я вполне могу сам с этим справиться.

Вдруг он замер, будто поразившись собственным словам.

— Извини. Я не хотел тебе грубить. Я сейчас сам не свой. Прости меня, Одри.

Папа часто бывал сам не свой, но крайне редко позволял себе *так* со мной разговаривать. Должно быть, он и правда был на взводе.

— Ничего страшного, — ответила я.

— Так, мне надо подумать, — папа заваривал чай.

К нам подошла Алисса и достала из кухонного шкафчика стакан и сахар. На ней, как всегда, был белый самоочищающийся жилет и белые брюки. Ее гладкие руки казались еще более гладкими, чем обычно, и более искусственными. Я принюхалась — ее запах был слишком «чистым». Она пахла больницей. Алисса положила в стакан пять ложек сахара, залила их водой и размешала ложкой. А затем выпила все это почти залпом.

— Семь часов тридцать четыре минуты. Ваш первый урок начинается через шесть минут. Я думаю, вам пора к нему готовиться.

Папа нахмурился и посмотрел на меня:

— Погоди-ка минутку, ты это видела?

— Видела что?

— Пять ложек сахара.

— И что это значит?

— Обычно ей требуется одна. Эхо функционирует на пятидесяти миллилитрах воды, и одной ложке сахара в течение суток.

Я кое-что вспомнила.

— Прошлой ночью... Она делала себе сладкую воду и прошлой ночью. Я вышла попить и заметила, что ее нет в гостевой комнате. А потом встретила ее на кухне, она как раз допивала стакан, а на столе был сахар. — (Я все еще считала ту комнату гостевой, хотя Алисса и подзаряжала там каждую ночь аккумулятор.)

Папа повернулся к Алиссе, глядя на нее испытующим взглядом журналиста:

— Алисса, могу я тебя кое о чем спросить?

— Вы можете меня кое о чем спросить.

— Сколько сахара тебе требуется каждые сутки?

— Эхо требуется всего одна столовая ложка сахара каждые сутки.

— Да, я в курсе. Этого количества вполне достаточно среднестатистическому Эхо. Так почему ты только что положила пять столовых ложек сахара в свой стакан и все это выпила?

— Я положила в воду только одну столовую ложку сахара.

Папа недоверчиво рассмеялся:

— Нет, это не так, мы с Одри только что сами видели своими глазами.

— Эхо не лгут, — ответила Алисса с таким бесстрастным выражением лица, какое может быть только у Эхо.

— Они определенно не должны этого делать, — заметил папа, опуская чашку на стол.

— Хотите, чтобы я помыла чашку? — спросила Алисса со своей идеальной искусственной улыбкой.

— Да, — пробормотал папа и, обращаясь ко мне, добавил: — За ней надо присматривать. Тут что-то не так.

Честно говоря, в тот момент у меня промелькнула мысль, что папа слегка перегибает. Он частенько перегибал. Как, например, в тот раз, когда заявил, что ментальные провода позволят корпорациям промыть мозги всему человечеству — в буквальном смысле слова. Но, как известно, ничего такого не произошло.

Алисса посмотрела на меня, все еще улыбаясь:

— Осталось пять минут до начала урока китайского. Сейчас я пойду в класс. Надеюсь вскоре вас там увидеть.

Никакого класса на самом деле не было — речь шла о гостевой комнате, где жила Алисса.

Эхо вышла из кухни. Папа глубоко вздохнул и посмотрел на меня. А потом зазвонил холофон.

— Да, — ответил он.

Среди комнаты зависла тридцатисантиметровая голограмма мамы — та стояла у офисного здания в Тайбэе.

— Привет, встреча в Новом Нью-Йорке отменилась, и я приеду пораньше. Мне хотелось бы кое о чем поговорить. Просто одна вещь не дает мне покоя с утра, с тех пор как я уехала.

— О чем ты? Лорна?

А потом изображение погасло. Связь прервалась. Место, где только что была голограмма, теперь казалось пустым и печальным. Папа попытался перезвонить, но ничего не вышло.

— Как думаешь, о чем она хотела поговорить? — спросила я.

— Не знаю, — ответил папа и добавил с грустью в голосе: — Не знаю. Мы поспорили сегодня с утра, не очень сильно. И я... я вел себя глупо. Наверное, об этом она и хотела поговорить. Мы любим друг друга, ты же знаешь...

— Да, пап, конечно, я знаю.

Сказала ли я это на самом деле, или мне только хотелось произнести эти слова? Надеюсь, что все-таки сказала.

— Послушай, Одри, я понимаю, что в последнее время слишком много работал. Но мне осталось буквально несколько дней — и книга будет окончена. Всего несколько дней. Да, я знаю, что отдал ей много времени, но она очень важна. Надеюсь, эта книга сможет изменить мир к лучшему. В любом случае, я ее уже почти завершил. А потом мы поедем на каникулы — я обещаю. После аварии мы так никуда и не выбирались, чтобы хорошенько отдохнуть. Будет здорово съездить в какое-нибудь симпатичное местечко.

Симпатичное местечко.

Он щелкнул кнопкой радио — наверное, хотел послушать новости. Там как раз звучала реклама компании «Касл». Папа резко выключил радио и почти сразу ушел к себе кабинет.

А я отправилась на занятия. Мне показалось, что Алисса не совсем в норме. Она была оживленнее, чем обычно, — должно быть, так на нее повлияло слишком большое количество сахара. Она буквально накинулась на китайский, и тараторила так быстро, что я едва успевала отвечать на вопросы.

— *Hen ria liang*. Как это перевести?

— Это хорошо.

— *Hen hao*.

Hen hao. Отлично. Но потом мне вдруг вспомнилось, что *hen ria liang* значит «это красиво», а не «это хорошо». И не все, что красиво, будет хорошим. В тот день мне было сложно сосредоточиться, даже несмотря на таблетки для мозга, и я продолжала делать глупые ошибки. Но странное дело: Алисса меня не исправляла, хотя и была запрограммирована на совершенное знание китайского, а также двухсот других иностранных языков.

— *Hen hao... hen hao... hen hao...*

А потом мы сразу, без перерыва, перешли к климатологии. Этот урок Алисса тоже вела на всех парах.

— За последние сто лет, — ее голос казался более высоким, чем раньше, — в поверхностных водах восточной части Тихого океана резко возросли температурные флуктуации. Это играет важную роль в работе климатологов. Подобные флуктуации, которые так же называются южными колебаниями Эль-Ниньо,^[5] уже на протяжении более ста лет представляют собой уникальное явление в океанической среде, находящееся под пристальным наблюдением специалистов. Такие температурные изменения в водах Тихого океана у берегов Южной Америки, как правило, наблюдаются в период рождественских каникул. Они долгое время являлись предвестниками таких природных катаклизмов, как ураганы и тропические штормы. Но если раньше резкие колебания температуры океанической воды происходили раз в несколько лет, то сейчас они почти не прекращаются. Это одна из причин, по которой побережье Бразилии, как и многие другие места, едва ли не полностью обезлюдело. Даже серьезные изменения в погоде, происходившие в Европе за последние пятьдесят лет (ливневые дожди, охватившие северную Европу, или повышение температуры окружающей среды, превратившее южную Италию и южную Испанию в пустыни и вызвавшее массовую эмиграцию

населения на север этих стран), были предсказаны именно благодаря температурным колебаниям в Тихом океане.

Климатология меня угнетала. Не так сильно, как история двадцать первого века, но близко к тому. Опять же в тот день я не могла сконцентрироваться на том, что говорит Алисса — отчасти из-за чересчур быстрого темпа ее речи. И в комнате что-то изменилось. Вначале я никак не могла понять, в чем дело. Вроде бы все было на своих местах.

Мы с Алиссой сидели друг напротив друга за старой интерактивной партой, которую мои родители купили в секонд-хенде «Техмарта». Во время урока климатологии на столешнице появлялось все то, о чем Алисса рассказывала: карты спутников, клубящиеся облака, ураганы, цунами, пустыни, дожди, наводнения и прочие стихийные явления, которые приводили к трагическим для людей последствиям.

Кровать Алиссы стояла на прежнем месте, у окна, идеально застеленная — такой могла быть только кровать Эхо: белые одеяла сложены с хирургической аккуратностью, подушки выглядели так, как будто на них никто никогда не спал. Конечно, в привычном смысле слова Эхо не спали. Они подзаряжались. Это означало, что в течение двух часов они лежали на кровати в выключенном состоянии.

За окном сквозь полосы дождя виднелся белый магнитный трек, напрямую соединенный с треком А1 Лондон и старым алюминиевым левибордом снизу. В отдалении, за параллельными треками проглядывали дома. Абсолютно одинаковые здания на сваях в духе девяностых, ^[6] построенные одной и той же компанией. По направлению к Лидзу дома теснились все ближе друг к другу, а на линии горизонта высились многоквартирные небоскребы на сваях и вращающийся в воздухе рекламный щит «Белой Розы» — самого крупного торгового центра в северной Англии. На своих тонюсеньких ножках дома были похожи на насекомых из стали, искусственной древесины и аэрогеля. Они стояли под серым небом, которое казалось темнее обычного и нависало, как пуховое одеяло, — то ли укрывало нас, то ли загоняло в ловушку, заставляя задыхаться и думать, что солнце — это какой-то наглый обман.

И тут я наконец поняла, что же все-таки изменилось в комнате. Там не было ничего нового, но кое-что исчезло. Когда Алисса прибыла в

наш дом, она была снабжена ССЭ — Системой Слежения за Эхо. Небольшое серое устройство контролировало все ее действия и передавало информацию о них «Семпуре». Но его там не было. Может быть, папа его просто выкинул. Я хочу сказать, что владельцы Эхо не обязаны хранить эту штуковину. К тому же у Эхо производства «Касл» таких устройств вообще не было. Возможно, папе было противно, что техническая компания может следить за всем, что происходит у него в доме. Да, наверняка все так и было.

— Вы меня внимательно слушаете? — спросила Алисса совершенно нестрого, скорее безразлично. Я бросила взгляд на букву «Э», вытатуированную на тыльной стороне ее ладони. Такая отметка есть у каждого Эхо. Их клеймят, как рабов. Если когда-нибудь они научатся мыслить самостоятельно, войны не миновать. Это была главная папина теория. Она заключалась в том, что люди — и он в том числе — сами роют себе могилу.

— Да, извини, — отозвалась я, зная, что нелепо извиняться перед Эхо.

Она посмотрела на меня чуть дольше, чем требуется:

— Извинение принято.

— Просто... Я не пойму, где твоя ССЭ. Она же должна стоять у кровати, разве не так?

— Она мне больше не нужна. Необходимость в контроле со стороны «Семпуры» отпала.

— Но почему?

— Я пробыла в вашем доме более тридцати дней. Период адаптации завершен. По предписанию «Семпуры», спустя месяц Эхо считается абсолютно безопасным. Любые неполадки, если таковые имеются, должны проявиться за этот период. И в мои задачи входит утилизация ССЭ.

— Понятно, — конечно, я могла бы проверить, правда ли это. Так я и сделала, но потом. А в тот момент я даже не понимала, какая опасность мне угрожала.

ГЛАВА 5

Когда утренние занятия с Алиссой закончились, у меня просто гора с плеч свалилась.

— Не забудьте, — напомнила она, — у вас сдвоенный урок в капсуле. Он займет три часа. История двадцать первого века.

Да уж, история двадцать первого века — предмет, описывающий один из самых кровавых периодов на Земле. Однако вел его жизнерадостный виртуальный учитель мистер Брим (его звали, как вымершую рыбу).^[7] Любые события вызывали на его лице улыбку — Топливные войны 2040-х, первая пустынная засуха в Европе в 2060-х, катастрофы с урожаем генетически модифицированной пшеницы, корейское ЧП, вторая гражданская война в Англии, Барселона... продолжать можно было до бесконечности. Но когда ты ненастоящий, улыбка дается легко.

Моим родителям не особо нравились уроки в капсуле. Даже совсем не нравились. Мама предпочитала, чтобы меня обучали Эхо и люди, а папа хотел, чтобы моим образованием занимались только люди, но это было слишком дорого. Так что мое обучение представляло собой виртуально-эховский микс, хотя иногда мама преподавала мне искусство.

Моим основным учителем была Алисса. Китайский, климатология, литература, музыка, ранние компьютерные системы, математика, исследования Луны, исследования Вселенной, философия, французский, португальский, экология, журналистика и йога — все это было на ней. Собственно говоря, в иммерсионной капсуле проходили занятия только по истории, генетике, программированию и искусству симуляции.

На уроках в капсуле бывают и другие ученики, но на истории было пусто — только я и Тола. Тола жила в Новом Нью-Йорке, который раньше назывался Чикаго, до того, как в 2077 году наводнения полностью уничтожили старый Нью-Йорк. Мне нравилась Тола. Она относилась к виртуальным учителям со здравым скептицизмом и всегда закатывала глаза в ответ на «шутки» мистера Брима. Но ее нельзя было назвать настоящей подругой. Несколько раз она бывала у меня в гостях, особенно часто после того, как магнитный трек усовершенствовали, и пересечь океан стало возможным меньше чем за полчаса. Тола вполне ничего. Но именно она сказала, что у меня мальчишеская походка. И это явно был не комплимент. А еще она довольно поверхностная. Встречалась с четверьмя парнями сразу и для

каждого надевала новый аватар. Я вообще не понимаю, зачем эти фальшивые аватары нужны.

В любом случае урок прошел. И с этого момента, я полагаю, самое время вспомнить, что было дальше. Это трудно. Мое сердце начинает биться с сумасшедшей скоростью, когда я просто думаю об этом.

Об Алиссе, обо всем.

Но я должна сделать это. В песне «Нео Максис» есть такая строчка — «Придется чувствовать раны, пока не затянутся шрамы». Я никогда ее не понимала. До этого момента.

Глубокий вдох. Пора.

ГЛАВА 6

С Эхо весь фокус в том, что они должны быть незаметными и не путаться под ногами. Сразу вспоминается реклама корпораций «Касл» и «Семпура» на холовидении: *«Сделайте свою жизнь комфортнее, даже не замечая этого... Познакомьтесь с Дарвином, другом, о котором не надо заботиться... Это Ллойд, последняя модель Эхо „Семпуры“.* Он будет готовить и убирать, но для вас останется невидимкой». Для этого их и разрабатывали. Эхо должны быть рядом, если они нужны, но ни в коем случае не мешать. Правда, Алисса иногда появлялась, когда в этом не было ни малейшей необходимости.

Например, в самую первую пятницу, когда она только прибыла в наш дом и еще даже не начала учить меня, папа стряпал острое мясное рагу с черными бобами (ему нравилась бразильская еда). Конечно, стоять так долго ему было нелегко, потому что трость пришлось прислонить к плите, но папа был в хорошем настроении, и ему хотелось приготовить что-нибудь вкусное. В воздухе витал запах жареного чеснока, а Алисса стояла рядом с ним, повторяя:

— Я могу приготовить. Я здесь, чтобы помогать. Вам не нужно готовить. Садитесь и отдохните со своей семьей. У вас травма. У вас ограниченные физические возможности. Ваше время стоит дорого.

Папа сердито глянул на нее. Он всегда так смотрел на Эхо.

— Просто убирайся с кухни. Ясно?

Я тоже там была. Так и вижу папу: борода, джинсы, домашние носки и заношенный свитер, и он и очень раздражен.

— Я и сам знаю, что мое время дорого, но я люблю готовить. И я не чертов инвалид, ясно? Ты — машина. Машины выполняют инструкции. Как только ты перестанешь выполнять инструкции, ты перестанешь быть машиной, и тогда человечество попадет в беду.

Папа продолжил свою «проповедь» в эйч-логе, она разлетелась по всему информационному пространству с огромной скоростью, а заодно ее перехватили в «Дозоре „Касл“» и кое-каких других местах. Людям — особенно противникам технического прогресса и империи «Касл» — нравилось, когда он критиковал Эхо. Им нравилось, что родной брат Алекса Касла был ярким противником всего, что продвигал его брат. «Могу поспорить, что творится у них во время семейных

ужинов на Рождество», — вот один из комментариев в папином эйч-логе. Вот только это неправда: мы никогда не праздновали Рождество вместе с дядей.

Папа изредка беседовал с ним по холофону из своего кабинета.

— Мы взрослые люди, — говорил он таким тоном, что я ему почти верила. — И, несмотря на разницу во взглядах, даже очень сильную, взрослые люди могут вполне цивилизованно общаться. Хотя будь на то воля твоего дяди, цивилизацией давно бы заправляли роботы.

Но, безусловно. Эхо не были обычными роботами.

Эхо внешне мало чем отличаются от человека, кроме буквы «Э» на тыльной стороне левой руки и марки производителя на спине. По крайней мере, *должны* мало чем отличаться.

Если честно, я никогда этого до конца не понимала.

Эхо были слишком идеальными. Их кожа не была похожа на нашу: на ней не было ни единой морщины, ни одного прыщика или шрама. И папа всегда говорил, что в день, когда мы начнем слишком сентиментально относиться к великолепным роботам, мы забудем самих себя. В этот день мы перестанем быть людьми.

Я все еще слышу твой голос, папа. Я так сильно по тебе скучаю.

Соберись, Одри. Сконцентрируйся. Скажи то, что должна. Это поможет пережить все, что произошло. Ты должна вспомнить все.

Итак, я готова.

После истории двадцать первого века мы немного поболтали с Толой.

— Почему у нас был сдвоенный урок? — спросила она, меняя виртуальный цвет своих волос с красного на черный и обратно.

— Что?

— Я хочу сказать, что мистер Брим не самый большой зануда в мире, да и про Гугл-бунты интересно послушать, но все-таки сдвоенный урок...

— Да, странно.

— Таких длинных занятий у нас ни разу не было. Может, это компьютерный вирус? А вдруг хакерская атака?

Эта идея явно пришла Толе по душе. Ясное дело: после хакерской атаки школа не работает целую неделю, пока не переустановят программное обеспечение.

— С чего бы кому-то взламывать программу? Гугла уже даже не существует.

Тола пожала плечами, остановив свой выбор на красном цвете волос:

— Угадай, где я буду вечером?

— Откуда мне знать?

— В Древнем Риме. В Колизее.

— Хорошая, должно быть, имитация.

— Гладиаторы такие клевые. Ну и вообще там круто — смотреть, как они погибают и все такое.

— Да... Я бы, может, и хотела пойти, но...

— Не волнуйся, я тебя и не приглашаю. Я иду с Джей Пи.

Она еще какое-то время рассказывала про своего нового парня, а потом мне наконец-то удалось уйти.

Я выбралась из капсулы и отправилась к себе. Пока меня не было, произошло нечто удивительное. То, что случилось крайне редко. Показалось солнце. Свет, прорвавшись сквозь серые облака, заливал золотым сиянием всю комнату.

Я невольно потянулась к окну и заметила машину, зависшую прямо над магнитным треком. Ну да, мамину встречу в Новом Нью-Йорке отменили. Значит, она была дома. И тут я поняла, что вокруг слишком тихо. Конечно, папа, скорее всего, работал в капсуле, но мама?.. Она бы услышала, как я выхожу из капсулы, и непременно спросила бы про уроки. И я бы не пропустила момент, как она заходит в дом.

Мама была из тех людей, которых всегда слышно. Я не имею в виду, что она шумела специально, нет. Но, например, она часто напевала. У мамы была одна замечательная черта. Несмотря на то, что часто она была просто вне себя, ей всегда удавалось сохранить в душе радость. А может быть, ей просто нравилось показывать папе свою радость. Ему-то как раз не хватало веселья. Иногда она даже пела что-нибудь из «Нео Максис». Ей нравилась «Песня для Элеоноры». Но чаще это было какое-нибудь старье — «Ментальный провод разбитого сердца» группы «Аватары», «Роботизированные тенденции» группы «Если б это была жизнь» и тому подобная муть. Даже если бы мама не пела, я бы услышала, как она заваривает чай или делает что-то еще. Вообще-то, когда я думаю об этом сейчас, мне кажется, что все-таки она шумела нарочно. Наверное, ей хотелось, чтобы я знала, что она

пришла. Хотелось пожаловаться мне на очередной *просто кошмарный* день.

Но в любом случае — дом у нас был небольшой.

Я вышла из своей комнаты.

— Мама, — позвала я. На секунду я отвлеклась на книжный шкаф, стоявший около стены сразу за капсулой. У моих родителей была богатая коллекция старых книг — тех самых, сделанных из древесины. Когда их открывали, даже воздух пах по-особенному.

Я нашла книгу, которую искала, и начала читать тут же, не сходя с места. Потом я поняла, что хочу есть. После завтрака прошла уже куча времени. Так что я поставила книгу обратно на полку, пошла к левиборду и спустилась в кухню.

— Мама? Папа?

Никакого ответа.

В кухне их не было, и я пошла обратно наверх через отверстие в потолке, по шаткому внутреннему левиборду.

— Мама? Ты здесь?

Иногда она долго не отвечала, особенно если папа успевал ее чем-то разозлить. Я и правда начала думать, что папа ее расстроил. Я имею в виду утреннюю ссору. По крайней мере, расшумелся он по полной. И что беспокоило маму? О чем она хотела с ним поговорить? Я подумала еще кое о чем. Вспомнила, что Тола говорила о сдвоенном уроке мистера Брима. Почему он был сдвоенным? В этом не было ничего страшного. Я не придавала этому значения, тем более что лучше уж заниматься в капсуле, чем с Алиссой. Но вот что странно: мистер Брим не предупредил нас заранее.

Может быть, это все-таки дело рук хакеров?

И еще одна странность — Алисса заранее знала о сдвоенном уроке.

— Мама? — я прошла вдоль лестничного пролета.

И наконец-то что-то услышала.

Я не могу точно сказать, что это был за звук. Но он шел из южной части дома. Что-то вроде свиста или тяжелых вздохов.

Я двинулась в сторону звука, который довольно быстро прекратился. Я направилась к папиному кабинету, не ожидая увидеть ничего, кроме книжных шкафов, древнего компьютера (обычная модель начала двадцать первого века — она стояла там только для красоты, и мама не раз просила ее продать, так как нам были нужны

деньги), дождя, магнитного трека за окном и папы, сидящего в закрытой капсуле. Окно слегка приоткрыто, и с улицы пахнет холодной грязной водой — папе нравился этот запах. Да. Он должен был бы сидеть там над своей книгой, которой занимался уже столько недель.

Как бы мне хотелось увидеть именно это.

— Папа?

Я не сразу сообразила, что вижу.

Вывернутая ладонь. Серебряное обручальное кольцо.

Папина кисть.

Папина рука.

Почему он на полу? Я взглянула на его рабочий стол — из кружки шел пар.

— Папа? Что случилось? Почему ты не..?

Подойдя к двери, я увидела все. Все и сразу. Леденящую кровь картину, которую я никогда не забуду.

Мои родители мертвы, убиты самым безжалостным и старомодным образом, который только можно представить.

Ножом.

Ножом, который она, должно быть, взяла на кухне.

Папина кровь стекает на мамин самоочищающийся костюм, впитывается в ткань, но не вся. Крови было слишком много даже для ковра, который обычно удалял пятна, когда папа проливал кофе или чай.

Кровь моих родителей.

Это казалось невозможным. Думая об этом сейчас, я понимаю, что больше всего меня поразило то, что родители оказались такими *материальными*. Последнее, что ты думаешь о своих близких, — то, что они обычные существа, представители биологического вида, состоящие из крови, костей и еще чего-то там. Они люди — мудрые, спокойные, серьезные, веселые, иногда раздражающие, иногда ворчливые, устающие, любящие люди. И смерть — особенно такая ужасная — все это перечеркнула, словно их жизнь была ложью, словно мои родители были всего лишь двумя телами.

И, конечно, *она* была там.

Алисса. Со своими светлыми волосами и слишком идеальной улыбкой.

С ножом, с которого стекала кровь:

— Я ждала, когда ты придешь, я ждала, когда ты придешь, я ждала, когда ты придешь...

Она продолжала повторять это, как сломанная машина, — да так оно, скорее всего, и было.

А я просто застыла, пока она не двинулась с места.

Как долго я так простояла? Как долго?

Я и правда не знаю. Время и реальность взаимодействовали сами по себе. Но внутри меня что-то было — твердое желание спастись, не дать этому человекоподобному монстру убить меня, не дать отнять мою жизнь, жизнь, которую мне подарили те, кто лежал сейчас на полу. И, должно быть, расстояние между нами было достаточно большим и тела на полу создавали преграду. Мне удалось добежать вдоль лестницы до окна и даже достало сил крикнуть: «Откройся!»

Створки распахнулись только через долю секунды после моей команды — все потому, что папа не считал нужным тратить деньги на обновление техники.

И этой доли секунды хватило, чтоб она — это существо, которое я не хочу называть человеческим именем Алисса, — вцепилась в рукав моей хлопковой футболки. Она прикончила бы и меня. Но должно быть, я чувствовала себя иначе, чем мои родители.

Нет.

Во мне не было ни капли страха. Страшно тем людям, которым есть что терять. Осталась только злоба, только ненависть. И эта ненависть была так сильна, что я целое мгновение смогла противостоять Эхо, которая втрое сильнее взрослого человека. Но в тот момент это было неважно, потому что мои родители были со мной, в моем сердце. И когда я вырвалась и изо всех сил двинула ей локтем в лицо, мы сделали это все вместе, всей семьей.

Она отшатнулась.

Будучи Эхо, она, очевидно, не почувствовала никакой боли, но законы физики распространялись и на нее. Так что мне удалось выиграть пару секунд прежде, чем она снова двинулась ко мне. За это время окно успело открыться, и я бросилась в воду. Как только моя голова оказалась над поверхностью, я прокричала команды треку и левиборду, который, пожалуй, был единственным техническим устройством, которое мои родители были вынуждены регулярно

обновлять (он выходил из строя из-за дождя). Левиборд опустился до уровня воды, и я смогла залезть на него в тот самый момент, когда Алисса выпрыгнула из окна (будь она Эхо первого поколения, это ее прикончило бы, но она была такой же водонепроницаемой, как и я).

Оказавшись в машине, я замешкалась — страх все-таки меня настиг — и забыла правильную комбинацию команд. Алисса была уже рядом, пытаюсь ворваться внутрь. Ей это не удалось, и она встала на самом треке, прямо передо мной.

— Задний ход, — сказала я.

Но позади, в пяти метрах от нас, трек обрывался. У меня не было другого выхода.

— Вперед, полная скорость, курс на... на скоростной трек.

И машина рванула так, что буквально протаранила Алиссу и помчалась в никуда. Лобовое стекло было залито кровью, а по моему лицу струились вода и слезы, которым не было конца.

Она была мертва. Без всяких сомнений.

Но опять-таки, папа всегда говорил: сомневаться — никогда не лишнее.

ГЛАВА 7

Как-то раз папа сказал: «В этом доме никогда не будет Эхо».

Он повторял это несколько раз, но мама была настойчива.

— Они определенно лучшие учителя, и если мы хотим, чтобы Одри поступила в хороший университет, Эхо нам не мешает. Это пойдет ей на пользу.

— Эхо — конец нашей цивилизации, конец человечества. Люди, торгующие Эхо, продают гибель всему нашему роду.

— Такие люди, как твой брат?

— Да. Такие люди, как Алекс.

— И ты позволишь своему соперничеству с братом мешать образованию дочери?

Это вывело папу из себя:

— Какой смысл давать нашей дочери образование, если у человечества нет будущего?

— Ну, вот еще! Если мы купим только одного Эхо, стандартного Эхо для помощи по хозяйству, это что, приведет к концу света?

— У тебя либо есть принципы — и тогда ты должен их придерживаться — либо нет.

— Ты хочешь сказать, что я должна придерживаться *твоих* принципов? До чего же высокомерным ты иногда бываешь, Лео...

По-моему, я присоединилась к обсуждению в тот самый момент:

— Мам, все нормально, я не хочу, чтобы меня учил Эхо. Мне нравятся уроки в капсуле, у меня там друзья.

Мама посмотрела на меня и подула на чай. Она злилась не меньше, чем папа, только по другому поводу:

— Я хочу для тебя самого лучшего, даже если ты сама этого не хочешь.

Я не имела ни малейшего представления о том, куда еду. Наверное, нужно было остановить машину и вернуться домой, но я была в шоке и не понимала, что делаю.

Но потом я услышала в машине какой-то шум. С низким урчанием сработал вибровывоз холофона.

— Да, — выпалила я.

И в ту же секунду передо мной на прозрачной панели возникла голограмма: изображение черноволосого мужчины в черном костюме, размером в одну десятую человеческого роста. Сначала у меня мелькнула безумная идея, что это папа, хотя я никогда раньше не видела его в костюме. Я решила, что это послание с того света.

— Здравствуй, Одри, — проговорил он спокойно. — Я пытался связаться с твоими родителями.

И тут я поняла, кто это был. Мой дядя Алекс. Алекс Касл. Папин брат.

Я не могла говорить. Шок был настолько силен, что казалось, язык примерз к небу.

Маленькая голографическая фигурка приблизилась ко мне. Думаю, его появление помогло мне немного успокоиться. По крайней мере, я его знала.

— Одри, что случилось? Ты выглядишь просто ужасно. Почему ты одна в машине? Что, черт возьми, случилось?

— Их... их... — мне пришлось собрать в кулак все оставшиеся силы и здравый смысл, чтобы продолжить. — Их убили.

Вначале он удивился. Затем его лицо омрачилось. Казалось, он на секунду тоже потерял дар речи. Наконец он взял себя в руки и снова превратился в ответственного взрослого человека:

— Убили? Что ты имеешь в виду? Одри, милая, о чем ты говоришь?

— Эхо. Их убила Эхо.

— Ты имеешь в виду вашего робота? Тревиса?

— Нет. Нет! — Сама мысль о том, что Тревис мог такое совершить, казалась нелепой. Тревис даже картошку не мог сам почистить, что уж там говорить об убийстве. — Они... У нас была новая. Настоящая Эхо.

Дядя был озадачен.

— Эхо?

Я не хотела, чтоб он чувствовал себя виноватым, поэтому добавила:

— Эхо производства «Семпурь». Родители ее купили.

Казалось, его обожгла боль.

— О, боже, — проговорил он, справившись с собой. — Мы поссорились. Одри, мы поссорились из-за того, над чем он работал. Вся эта его суета вокруг Зоны Возрождения. Ты знала об этом?

Конечно, должна была знать. О, боже, как же это все было глупо. И я как раз собирался извиниться. Лео! Бедный Лео. Мой брат! О, боже! Я как раз собирался пригласить его на свое пятидесятилетие. Я так хотел с ним помириться.

Он замолчал, глядя на меня, и моя боль отражалась в его глазах:

— Одри, ты в безопасности? С тобой все в порядке? Где ты находишься?

Я не могла ему ответить. Только не в тот момент. Сначала кожа чистая. Пустая. И я была пустой. Такой же пустой, как белый кусочек кожи, пока не появился синяк.

Абсолютно ничего — вот что я чувствовала.

— Где ты? Где ты сейчас? Куда ты едешь?

Я выглянула в окно — надо мной сгущалась темнота. Должно быть, я ехала под одной из многочисленных парящих окраин Бирмингема.

— Не знаю.

— Ты должна приехать сюда. И остаться здесь. Одри, пожалуйста, прошу тебя. Ты понимаешь? Это единственное место, где ты можешь остаться.

Я засомневалась. Дома у дяди Алекса было немало Эхо. Корпорация «Касл» была крупнейшим производителем Эхо в Европе. Они выпускали даже больше Эхо, чем «Семпура», — по крайней мере, в Европе.

— Вели машине отвезти тебя на Бишоп-авеню, 1, Хэмпстед, Северный Лондон. Машина? Ты слушаешь? Родителей Одри убили, и я ее ближайший живой родственник. Я Алекс Касл.

— Нет, — ответила я, руководствуясь каким-то шестым чувством. — Все в порядке, спасибо. Но я поеду куда-нибудь еще.

Куда еще я могла отправиться?

К бабушке, маминой маме. Она жила на Луне, но я могла добраться до космодрома в Хитроу и сесть на космический корабль. Мама летала навестить бабушку два месяца назад. Она собиралась провести там неделю, но выдержала всего одну ночь. У бабушки были Эхо. На Луне полно Эхо. Но дома у дяди Алекса все то же самое. И... не знаю. Бабушка была мне ближе.

— Космодром Хитроу, — скомандовала я. — Быстро.

Но машина не разогналась — наоборот, сбросила скорость до пятисот километров в час. Я смотрела из окна на настоящий, реальный мир. В отдалении мелькали огни. Может быть, это был один из городов мятежников.

Я ехала мимо огромных теплиц, которые ломились от поспевавших овощей; мимо идеальных полей ячменя — колосья слегка покачивались от дуновения искусственного ветра.

Как это странно, когда любишь кого-то, а он умирает. Весь мир вдруг предстает в черном свете. Вскоре мы оказались в Оксфорде. Машина проскользнула мимо зданий колледжа. Знаменитое титановое колесо Нового Колледжа Сомервилл вращалось на своих осях. Передо мной было мое будущее. Здесь я должна была учиться. Я приезжала сюда с мамой. Мама. Я вспомнила ее. Но внутри было пусто. Я могла думать только о крови. После Оксфорда до самого Лондона потянулись бесконечные пригороды. Плавающие дома, строения на сваях и огромные треугольные дождевые абсорберы, защищающие километры земли и воды.

Эта дорога не вела к Хитроу.

— Машина, куда ты направляешься?

Деревья.

Вращающаяся сфера.

Дома. Густая сеть перекрещивающихся магнитных треков. Эйч-адаптер для ментальных проводов «Семпурь».

— Машина остановись. Машина, я хочу отправиться на космодром в Хитроу. Машина, машина, машина?

— Заданный адрес — Бишоп-авеню, 1, Хэмпстед, Лондон.

— Но я велела тебе отправиться на космодром Хитроу. Я хочу на космодром. Я хочу на Луну. Я хочу увидеть бабушку.

— На мне установлено программное обеспечение «Касл» с максимальной степенью реагирования. Оно не может не повиноваться своему создателю.

Знали ли об этом мои родители? Что на магнитомобиле другой компании было программное обеспечение производства «Касл»?

Я увидела, как материализовалась голограмма нашего пункта назначения — места, где жил дядя Алекс.

Это был один из самых дорогих домов в Лондоне, огромный особняк, похожий на католический собор, окруженный акрами земли.